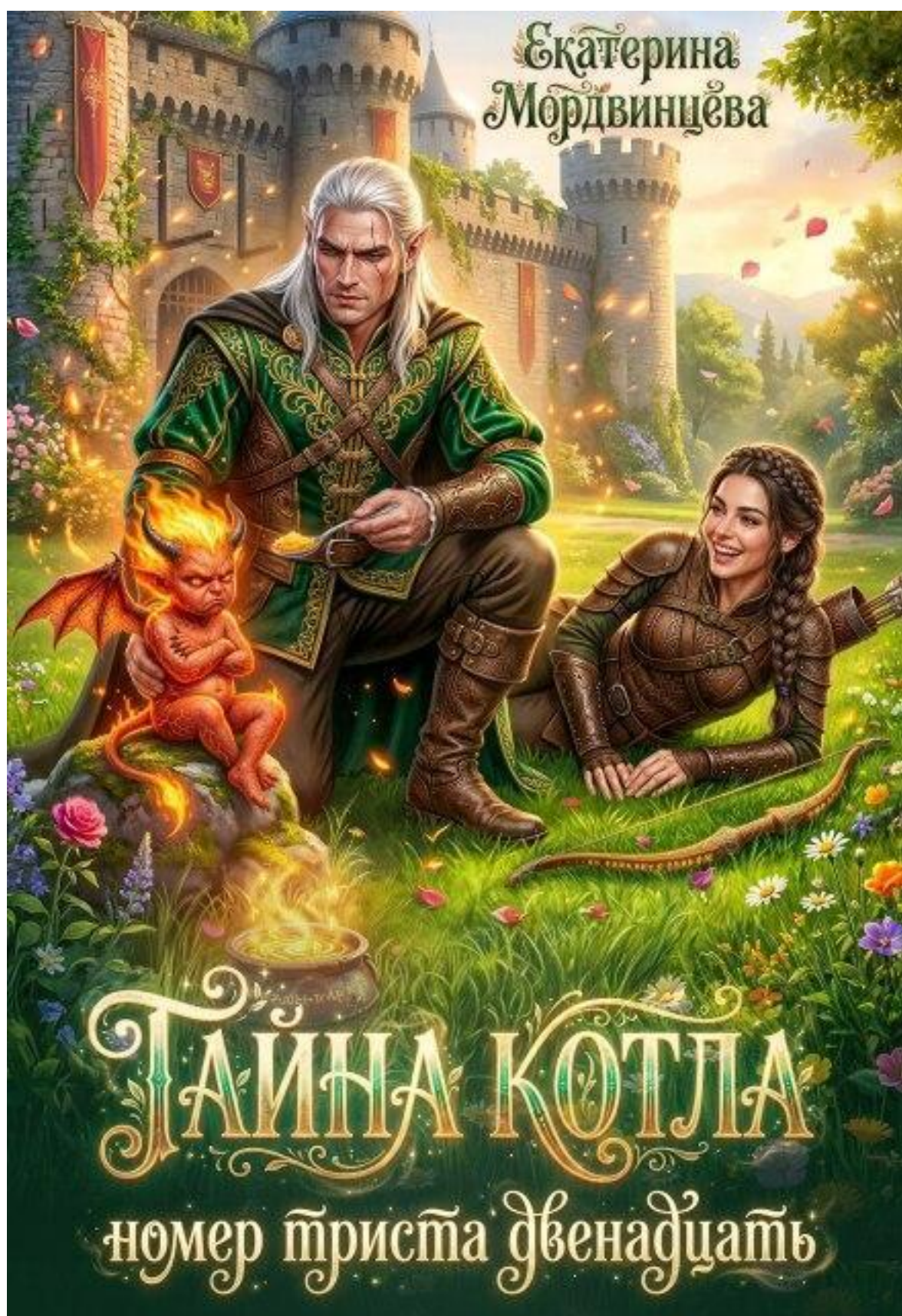

Екатерина
Мордвинцева

ТАЙНА КОТЛА

номер триста двенадцать

Екатерина Мордвинцева

**Тайна котла номер
триста двенадцать**

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Тайна котла номер триста двенадцать / Е. Мордвинцева —
«Литнет», 2026

В королевской гвардии завелась девка с косой. Капитан-эльф не в восторге. Демон в котле не в восторге вдвойне. А им всем предстоит вместе путешествовать, сражаться, падать в болото и спасать королевство. В общем, рецепт тот ещё: взять эльфа, добавить девушку, приправить маленьким злым демоном, варить на медленном огне. Получится ли из этого супа любовь? Главное — не пересолить.

© Мордвинцева Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Пролог

Я, кажется, сломала ему нос.

Это было нечаянно. Ну, почти нечаянно. Если честно, я вообще не планировала сегодня ни с кем драться. Утро начиналось так мирно: я вышла на задний двор, чтобы проветрить косу после вчерашней тренировки, и думала только о том, как бы незаметно прошмыгнуть мимо отцовского кабинета, где он с утра подсчитывал наши долги. Долгов было много, а надежды — мало, и я знала, что рано или поздно этот разговор меня настигнет, но хотела оттянуть его хотя бы до обеда.

Но судьба, как всегда, распорядилась иначе.

Они сидели на завалинке у наших ворот, в тех самых воротах, которые следовало бы починить ещё три года назад, но денег вечно не хватало даже на гвозди. Трое. Типичные разбойники южных трактов: грязные, зубастые, с рожами, которые хочется прикрыть мешком, чтобы не пугать лошадей. У одного — шрам через всю щеку, у второго — серьга в ухе, хоть какая серьга может быть у мужика, который выглядит так, будто его уже дважды хоронили, но он оба раза не согласился. Третий сидел чуть поодаль и задумчиво ковырял в зубах соломинкой, делая вид, что он здесь просто из вежливости.

— Барышня, — сказал шрамоголовый, и его голос звучал так, словно он жевал гравий. — А батька твой дома?

Я остановилась. Коса лежала на плече, тяжелая, привычная, и я машинально провела пальцами по её лезвию — не то чтобы я собиралась её использовать, просто такая привычка. Когда оружие становится частью тебя, ты гладишь его так же естественно, как кошка трётся об ногу хозяина.

— А вам зачем? — спросила я вежливо. Отец всегда учил меня быть вежливой с незнакомцами. «Тиана, — говорил он, — вежливость — это броня, которую не пробьёт ни один меч». Интересно, он имел в виду таких вот типов с кислыми рожами?

— Должок есть у батьки твоего, — второй, серьга, сплюнул сквозь зубы. — Просроченный должок. Мы пришли напомнить.

— Ах, напомнить, — я кивнула, делая вид, что принимаю это к сведению. — Ну что ж, напомнили. Передам.

Повисла пауза. Соломинка во рту третьего медленно переместилась из левого угла в правый.

— Ты, барышня, не поняла, — шрамоголовый поднялся с завалинки, и тогда я поняла, насколько он большой. Не просто здоровый — огромный. Как дуб, который вырос на удобрениях из чужих костей. — Мы не просто так напомнить пришли. Мы пришли забрать.

— Забрать? — я изобразила удивление. — Мебель? Посуду? Отцовский буланый плащ, который он уже десять лет собирается выбросить, но всё никак руки не дойдут?

Серьга хмыкнул, и этот звук напоминал хрюканье довольного кабана.

— Ты, барышня. Тебя забрать.

Вот тут я действительно удивилась.

— Меня? — я даже косу переложила на другое плечо, чтобы удобнее было слушать. — И куда же вы меня собираетесь забирать?

— Куда надо, — шрамоголовый сделал шаг ко мне. — Твой батька должен графу Эствудскому три тысячи золотых. Граф сказал: либо деньги, либо ты идёшь в оплату. Денег нет — значит, пойдёшь.

Я моргнула.

Три тысячи золотых. Это много. Это очень много. Это столько, сколько наше баронство не зарабатывало за десять лет, даже если продать всё, включая дырявую крышу и мою косу.

Но чтобы граф Эствудский, этот старый паук с манерами придворного и душой ростовщика, потребовал меня в уплату долга? Вот это новость.

— И что же граф собирается со мной делать? — спросила я из чистого любопытства. — В жёны возьмёт? Так ему, по слухам, уже за семьдесят, и он три раза вдовец. Говорят, жёны его умирали при загадочных обстоятельствах.

— Не твоё дело, — отрезал шрамоголовый. — Сказано — забрать, значит — забрать. Идёшь сама или нам тебя нести?

Он протянул руку. Грязную, мозолистую, с ногтями, которые давно не видели ни ножниц, ни мыла. Я посмотрела на эту руку, потом на его лицо, потом на косу у себя на плече.

Знаете, есть моменты в жизни, когда ты отчётливо понимаешь: сейчас случится что-то, что изменит всё. Не обязательно что-то великое или героическое. Просто — перелом. Миг, после которого уже нельзя будет сделать вид, что ничего не произошло.

Я могла бы закричать. Позвать отца. Позвать кухарку Грету, которая, несмотря на свои шестьдесят и больные колени, однажды забила до полусмерти забредшего на кухню медведя скалкой. Я могла бы просто захлопнуть калитку и спрятаться в доме, благо засов там держался крепко.

Но я — Тиана, дочь барона Эдгара из южных земель, и у меня есть своё представление о том, как следует встречать гостей, которые пришли забрать тебя в уплату долга.

— Знаете, — сказала я, и моя рука легла на рукоять косы, — я, пожалуй, откажусь.

Шрамоголовый замер. Его глаза, маленькие и глубоко посаженные, как у хорька, сузились.

— Что?

— Отказываюсь, — повторила я, разделяя слова. — Идти с вами я не собираюсь. Графу Эствудскому передайте, что если ему так нужна компания, пусть ищет её в другом месте. А наш долг мы выплатим. Когда сможем.

— Когда сможете? — серьга расхохотался, и смех его был похож на лай больной собаки. — Да ты, барышня, видно, не в курсе: ваше баронство уже месяц как у графа в залоге. Земля, дом, всё, что есть. И ты в том числе. Ты уже не баронова дочка, ты — собственность его сиятельства.

Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Не от страха — от злости. Холодной, чистой, как лезвие моей косы. Отец не сказал мне. Он не сказал, что заложил всё, даже меня. Он вообще никогда не говорил, насколько всё плохо, только вздыхал за ужином и гладил меня по голове, повторяя: «Ничего, дочка, прорвёмся».

Прорвались. До ручки.

— Послушайте, — сказала я, и голос мой, кажется, стал тише, но в этой тишине было что-то такое, от чего соломинка во рту третьего выпала. — Я сейчас спокойно войду в дом, соберу вещи и уеду в столицу. А вы передадите графу, что его собственность сбежала. Договорились?

— Не договорились, — шрамоголовый снова шагнул ко мне, и на этот раз его рука потянулась к моему плечу. — Ты никуда не уедешь. Приказ графа — доставить тебя в целости. Живую, но не обязательно счастливую.

Его пальцы сомкнулись на моём предплечье.

И тут же разжались, потому что коса в моей руке описала дугу, и её обух — не лезвие, я же не хотела никого убивать с утра пораньше — впечатался в его локоть с таким звуком, будто перебили сухую ветку.

Он заорал. Отшатнулся, прижимая руку к груди, и в его глазах мелькнуло непонимание — как у быка, которого вдруг ударили колоколом по голове.

— Что ты... — начал он, но я уже не слушала.

Коса загудела в моих руках. Она всегда гудела, когда я злилась, и сейчас этот звук наполнял двор, как натянутая струна. Я не собиралась никого убивать. Но я очень, очень хотела сделать так, чтобы эти трое запомнили этот день надолго.

— Слышь, — сказал серьга, глядя на своего подельника с внезапно посеревшим лицом. — А девка-то с характером.

— Да по фигу, — шрамоголовый, несмотря на вывихнутую руку, полез в ножны за тесаком. — Хватаем её и тащим. Трое на одну — справимся.

Они не справились.

Я не помню этого боя в деталях. Когда начинается драка, время для меня всегда замедляется, но сознание отключается — остаётся только тело, которое знает, что делать. Коса — продолжение моих рук, моей спины, моей злости. Я училась с ней с двенадцати лет, когда отец нанял старого сержанта, который пил как сапожник, матерился как сапожник и дрался как десять сапожников сразу. Он говорил: «Коса — бабское оружие, но в умелых руках бабское оружие кладёт мужиков быстрее, чем они успевают сообразить, что происходит».

Он был прав.

Первый — шрамоголовый — пошёл на меня с тесаком, размахивая им, как ветряная мельница крыльями. Громко, страшно, но предсказуемо. Я ушла вниз, пропуская лезвие над головой, и древком косы подсекла его ноги. Он рухнул как бревно, и я добавила ему пяткой по затылку, чтобы не вставал. Не насмерть, просто чтобы отключился. Надолго.

Второй — серьга — был умнее. Он вытащил нож, длинный такой, с зазубринами, и начал кружить, пытаясь зайти со спины. Но коса длиннее ножа, и я не дала ему приблизиться. Мы кружили по двору, и я видела, как в окне кухни мелькнуло лицо Греты, которая замерла с половником в руке, разинув рот.

— Бросай оружие, девка, — прошипел серьга, и в его голосе уже не было прежней уверенности. — Не калечься.

— Это ты мне? — уточнила я, и в этот момент сделала выпад, которого он не ждал.

Коса не бьёт прямо. Коса — это дуга, круг, смертельный вальс. Я крутанулась, и лезвие прошло в сантиметре от его живота — не задело, только распорол рубашу и выпустило наружу облако пыли и пота. Он отшатнулся, споткнулся о подвернувшегося под ноги шрамоголового и рухнул на него сверху.

Третий — тот, что с соломинкой — стоял всё там же, у завалинки, и смотрел на меня с выражением, которое я бы назвала уважением, если бы не его дружки, валяющиеся в пыли.

— Ну? — спросила я, переводя дыхание. Коса тяжело опустилась на плечо. — Ты тоже хочешь попробовать?

Он медленно поднял руки. Пустые, безоружные.

— Я, барышня, пожалуй, пас, — сказал он, и в голосе его прозвучало что-то похожее на усмешку. — Мы ж не знали, что ты... того. С косищей этой.

— Теперь знаете, — я кивнула в сторону ворот. — Убирайтесь. И графу передайте: если ему так неймётся, пусть приходит сам. Я ему тоже кое-что передам. Лично.

Третий помог своим подняться. Шрамоголовый, очухавшись, плевался кровью из разбитого рта и обещал мне что-то страшное, но уходить не торопился, пока я не сделала шаг в его сторону с косой наперевес. Тогда они ушли. Быстро. Даже серьга забыл свой нож на земле — так торопился.

Я осталась во дворе одна, тяжело дыша, и только тогда заметила, что мои руки трясутся. Не от страха. От злости. И от обиды. Отец не сказал мне. Он промолчал, когда я каждое утро спрашивала, как дела. Он улыбался за завтраком и делал вид, что всё хорошо, а сам уже месяц как заложил всё, что у нас было. В том числе меня.

— Тиана...

Я обернулась. Отец стоял на крыльце, бледный, сжимая в руках старый меч, который, кажется, не вынимал из ножен с тех пор, как вернулся с последней войны. Он, наверное, услышал шум и выбежал, но опоздал. Как всегда, впрочем, опоздал.

— Ты всё слышал? — спросила я, и голос мой прозвучал жёстче, чем мне хотелось.

Отец кивнул. Он смотрел на меня — на свою дочь с косой на плече, в мужских сапогах и штанах, с распущенными после драки волосами — и в его глазах было что-то, чего я не могла разобрать. Стыд? Страх? Или то самое отчаяние, о котором говорил шрамоголовый?

— Тиана, я хотел сказать...

— Что ты хотел сказать? — я шагнула к нему, и отец невольно попятился. — Что ты заложил меня графу, как мешок овса? Что я теперь его собственность? Или ты хотел сказать, что всё будет хорошо, как всегда?

— Я хотел сказать, что не знал, — отец вдруг выпрямился, и в его голосе прорезались нотки, которых я не слышала давно. — Не знал, что в договоре есть это условие. Граф сказал — подпиши, и мы подождём с выплатой. Я подписал. А вчера пришло письмо... — Он замолчал, провёл рукой по лицу, и я увидела, как он постарел. Не за один день — за все эти годы, когда долги давили, а он улыбался и говорил, что прорвёмся. — Вчера я узнал, что по договору ты переходишь графу, если мы не выплатим всё к осени.

— И ты молчал.

— Я искал выход. — Он поднял на меня глаза, и в них стояли слёзы. — Я объездил всех соседей, всех, кто мог бы помочь. Никто не даёт денег. Боятся графа.

Я смотрела на него и чувствовала, как злость медленно уходит, оставляя место чему-то другому. Не жалости. Жалость была бы оскорблением. Пониманию? Может быть. Отец всегда был плохим хозяином, но хорошим человеком. Он прощал долги крестьянам, когда у тех умирала скотина. Он не выгнал Грету, когда та украла со стола серебряную ложку — у неё внук болел, и нужны были лекарства. Он учил меня не судить людей по кошельку, а это, как оказалось, роскошь, которую мы не могли себе позволить.

— Я уезжаю в столицу, — сказала я, и эти слова повисли в воздухе между нами.

Отец моргнул.

— Что?

— В столицу. В королевскую гвардию. — Я перехватила косу поудобнее, чувствуя, как её вес привычно ложится в руку. — Там платят жалованье. Хорошее. Я буду высылать тебе деньги, и мы выплатим графу всё до последней монеты.

— Тиана, — отец шагнул ко мне, — ты не можешь... гвардия... там же...

— Что — там? — я усмехнулась. — Мужики? Ты только что видел, как я разобралась с троими. И они были не самыми страшными, я думаю.

— Это не смешно, — голос отца дрогнул. — Ты девушка. Ты должна...

— Должна что? — я остановилась, и коса со звоном коснулась земли. — Вышивать? Петь романсы? Ждать, пока какой-нибудь граф заберёт меня в уплату долга? Нет, отец. Я больше не буду ждать.

Он смотрел на меня, и я видела, как в его глазах борются привычные страхи — за мою безопасность, за репутацию, за то, что скажут соседи — с чем-то новым. С гордостью? Неужели он гордится мной?

— Ты на них похожа, — сказал он вдруг тихо. — На свою мать. Она тоже была... неуступчивая.

— Мать была лучницей, — напомнила я. — И она не стала бы сидеть сложа руки, если бы какой-то граф решил, что она — его собственность.

Отец вздрогнул, как от пощёчины. Я, наверное, была жестока, но правда есть правда. Моя мать, Сильвана из рода лесных эльфов, не была похожа на здешних женщин. Она приехала с севера, с длинным луком за спиной и такой же косой, как у меня, и за три года, что прожила

с отцом, научила его тому, что женщины могут быть не только тихими и покорными. Потом она ушла воевать на северную границу, когда началась та последняя война, и не вернулась. Говорили, её убили орки. Говорили, она погибла, прикрывая отход отряда. Говорили, её стрелы нашли на поле боя все до одной.

Отец не говорил об этом. Никогда.

— Я поеду с тобой, — сказал он, и в его голосе была решимость, которую я не слышала годами. — Провожу до столицы.

— Нет, — я покачала головой. — Ты останешься здесь. Кто-то должен смотреть за имением. И если граф узнает, что ты уехал, он решит, что мы сбежали. А я не собираюсь сбежать. Я собираюсь заплатить. Честно.

— Тиана...

— Отец, — я подошла к нему и взяла за руку. Его ладонь была сухой и горячей, пальцы дрожали. — Я справлюсь. Я не маленькая. И я не беспомощная. Ты сам меня такой вырастил.

Он сжал мои пальцы, и я почувствовала, как его рука вздрагивает.

— Я боялся этого дня, — сказал он, и в его голосе была такая боль, что у меня сжалось сердце. — Я знал, что ты уйдёшь. Что тебе будет тесно здесь. Я просто надеялся, что... что ты уйдёшь не одна.

— Я не одна, — я улыбнулась и подняла косу. — Со мной она.

Отец посмотрел на оружие, потом на меня, и вдруг улыбнулся. Такой знакомой, немного грустной улыбкой, от которой у меня всегда щипало в носу, когда я была маленькой.

— Мать бы тобой гордилась, — сказал он.

— Я знаю, — я выпрямилась, и коса легла на плечо. — А теперь иди в дом и скажи Грете, чтобы собрала мне в дорогу чего-нибудь съестного. Я уезжаю сегодня.

— Сегодня?! — он схватился за сердце, и я на мгновение испугалась, но это был его обычный жест — когда он драматизировал, чтобы выиграть время. — Тиана, нельзя же так! Нужно подготовиться, собрать вещи...

— Всё уже собрано, — я кивнула в сторону крыльца, где стоял мой старый дорожный мешок, набитый с вечера. — Я собиралась сказать тебе за завтраком, но тут пришли эти.

Отец посмотрел на мешок, потом на меня, потом на валяющийся в пыли нож, который забыл серьга, и медленно опустился на крыльцо.

— Ты всё решила, — сказал он не спрашивая.

— Всё.

— И тебя не переубедить.

— Никак.

Он сидел, сгорбившись, и я видела, как его плечи поникли. Мне захотелось подойти, обнять, сказать, что я остаюсь, что я никуда не поеду, что я буду хорошей дочерью и выйду замуж за первого, кто посватается, и буду рожать детей и штопать носки, и никогда больше не возьму в руки косу. Но это было бы ложью. Я не умела быть такой. И он знал это.

— В гвардию, значит, — пробормотал он, и в голосе его прозвучало что-то вроде смирения. — Будешь маршировать, мечом махать...

— Жалованье получать, — добавила я. — Тридцать золотых в месяц, если возьмут в основной состав. Плюс питание, обмундирование, казарма. Через два года мы выплатим графу всё.

— Два года, — эхом отозвался отец. — Два года я тебя не увижу.

— Увидишь, — я села рядом с ним на крыльцо, положила косу на колени. — Я буду писать. И когда накоплю на обратную дорогу, приеду в отпуск.

— В гвардии дают отпуска?

— Не знаю, — честно призналась я. — Но я их попрошу. Вежливо.

Отец фыркнул. Это был почти смех.

— Ты, дочка, не умеешь просить вежливо. Ты умеешь только требовать. Или доказывать. Как сейчас этим... — он кивнул в сторону ворот.

— Они сами начали, — я пожала плечами. — Я всего лишь объяснила, что не собираюсь становиться чьей-то собственностью.

— Объяснила, — отец покачал головой. — Своим способом.

— Других не понимают.

Мы помолчали. Солнце поднялось уже довольно высоко, и двор заливал золотистый свет, в котором даже наша облезлая калитка казалась почти красивой. Где-то за сараем кудахтали куры, и Грета, видимо, придя в себя после увиденного, громко ругалась на кота, который утащил со стола рыбу.

— Я горжусь тобой, — сказал отец, и я почувствовала, как его рука легла на мои пальцы. — Я всегда гордился. Ты — лучшее, что у меня есть. Лучшее, что было. И если бы я мог всё изменить...

— Не надо ничего менять, — я сжала его ладонь. — Всё так, как должно быть. Я пойду в гвардию. Мы выплатим долг. И потом... потом придумаем что-нибудь.

— Придумаем, — повторил он, и в его голосе снова появилась та уверенность, которую я так любила в детстве. Та самая, с которой он говорил: «Прорвёмся». — А теперь иди. Соберись как следует. И не забудь...

— Всё помню, — я встала, и коса звякнула о ступеньки. — Документы, смена белья, тёплый плащ, аптечка, деньги...

— Денег нет, — тихо сказал отец, и его лицо снова стало серым. — Тиана, у меня нет денег даже на дорогу до столицы.

Я замерла.

Нет денег. Конечно, нет. Если бы были, он не заложил бы меня графу. Я вдруг остро, до боли, почувствовала, насколько всё плохо. Настолько, что отец, который всегда находил выход, не мог найти даже серебряной монеты, чтобы дочь могла уехать.

— Я сама доберусь, — сказала я, и голос мой прозвучал твёрже, чем я чувствовала. — Пешком. До столицы три дня пути, если идти через лес. Еды у меня на неделю хватит, а больше мне ничего не нужно.

— Пешком? — отец вскочил. — Тиана, через лес! Там разбойники, дикие звери...

— С разбойниками я справилась, — я улыбнулась. — А звери умнее людей. Они не лезут к тем, у кого в руках коса.

— Это не шутки, дочка...

— Я и не шучу. — Я подхватила мешок и перекинула его через плечо. Коса легла на второе, привычно, как будто всегда там была. — Отец, я дойду. Я сильная. Я дочь барона, внучка лесной эльфийки и правнучка того, кто построил этот дом своими руками. Я справлюсь.

Он смотрел на меня, и в его глазах было столько всего, что я не смогла бы описать, даже если бы меня попросили. Боль. Гордость. Страх. Любовь. И ещё что-то, что я не могла назвать, но что делало его похожим на мать — такую же нестигаемую, такую же готовую к бою, даже когда внутри всё сжимается от ужаса.

— Возьми меч, — сказал он вдруг и снял со стены в сенях свой старый клинок. — Мой. На память. И на всякий случай.

— Отец, это твой боевой меч, — я отступила на шаг. — Ты его с войны принёс...

— И больше он мне не нужен, — он протянул мне оружие, и его рука не дрогнула. — Моя война кончена. А твоя только начинается. Возьми, Тиана. Пусть он бережёт тебя.

Я взяла меч. Он был тяжёлым, намного тяжелее косы, и от него пахло сталью и старыми ранами. Я пристегнула его к поясу, и странное чувство наполнило меня — будто что-то встало на своё место. Будто я наконец стала той, кем должна была стать.

— Я напишу, — сказала я. — Как только доберусь.

— Пиши, — отец шагнул ко мне и обнял. Крепко, по-мужски, так, что хрустнули кости. — И помни: что бы ни случилось, у тебя есть дом. У тебя всегда есть дом.

— Я помню.

Я отстранилась первой. Потому что если бы я не сделала этого, то, наверное, не смогла бы уйти. Отец стоял на крыльце, ссутулившись, и я знала, что он будет стоять так, пока я не скроюсь из виду.

Я вышла за калитку и остановилась.

Дорога уходила вперёд, к лесу, который темнел на горизонте, и дальше — к столице, о которой я знала только из книг и рассказов. Говорили, там огромные дворцы и шумные рынки. Говорили, там каждый второй носит шпагу, а каждый третий — тайну. Говорили, королевская гвардия — это лучшие из лучших, и попасть туда девушке невозможно.

Но я никогда не умела слушать тех, кто говорит «невозможно».

Я обернулась. Отец всё ещё стоял на крыльце, и его фигура казалась маленькой и одинокой на фоне нашего облезлого дома с дырявой крышей.

— Я вернусь! — крикнула я, и ветер подхватил мои слова, разнёс их над двором, над садом, над полями, которые скоро, может быть, перестанут быть нашими. — Я вернусь, и мы всё исправим!

Отец поднял руку. Не помахал — просто поднял, как на войне, когда дают знак: «Вперёд, я прикрою».

Я развернулась и пошла.

Коса тяжело покачивалась на плече, меч оттягивал пояс, мешок с едой и сменой белья норовил сползти, но я шла. Быстро. Уверенно. Так, как будто всю жизнь только и делала, что уходила из дома, чтобы завоевать мир.

Лес принял меня в свою тень, прохладную и тихую, и я вздохнула полной грудью. Воздух пах хвоей и землёй, и свободой. Странное дело — я никогда не была свободной. Всю свою жизнь я была дочерью барона, наследницей долгов, девицей на выданье, которую сватали то к одному разорившемуся дворянчику, то к другому. Но сейчас, когда за спиной остался дом, а впереди — неизвестность, я впервые почувствовала, что принадлежу только себе.

Конечно, я понимала, что меня ждёт. Королевская гвардия — это не женский монастырь и не бальный зал. Там будут мужики, которые не захотят видеть меня в своих рядах. Будет муштра, приказы, унижения, возможно — побои. Будет холод, голод и тоска по дому. Будет момент, когда я захочу всё бросить и вернуться, и этот момент будет самым трудным.

Но я шла.

Потому что если я сейчас остановлюсь, если хоть на миг позволю себе усомниться — всё пропало. Я стану той самой «собственностью графа», которую будут передавать из рук в руки, пока она не сотрётся в пыль. А я не хочу быть пылью. Я хочу быть косой, которая рассекает воздух. Мечом, который не гнётся. Ветром, который сметает всё на своём пути.

Лес шумел. Где-то вдалеке крикнула птица, и эхо подхватило её голос, унесло вглубь чащи. Я шла по тропе, которую знала с детства, и думала о том, что скажу в столице. Как постучу в ворота казарм. Как посмотрю в глаза тому, кто будет меня испытывать.

Я не знала, что меня ждёт. Я не знала, что через месяц я буду сидеть на коне рядом с эльфом, который ненавидит меня с первого взгляда, и везти в котле демона, который проклинает всё на свете. Я не знала, что полюблю и буду любима, что потеряю и обрету, что стану тем, кем стану.

Я не знала ничего.

Но я знала одно: я не вернусь. Не сейчас. Не побеждённой. Не сломленной. Не чужой собственностью.

Я шла, и лес расступался передо мной, и ветер играл с моей косой, и где-то высоко в небе кружил ястреб, и мне казалось, что это мать смотрит на меня с высоты и улыбается.

— Я справлюсь, — сказала я ветру. — Я справлюсь.

И ветер, кажется, кивнул.

До столицы было три дня пути.

В первый день я прошла через южный лес, где каждое дерево было знакомо мне до корней, и ночевала в старой сторожке, где мы с отцом когда-то прятались от грозы. Там всё ещё пахло сеном и прошлым летом, и я спала на жёстких досках, как на пуховой перине.

Во второй день я вышла на тракт и встретила купеческий обоз. Купцы смотрели на меня с подозрением — девка с косой и мечом, одна, в дорожной пыли, — но подвезти согласились. Заплатила я им историей — рассказывала, как моя бабка-эльфийка застрелила из лука трёх орков одной стрелой. Купцы смеялись, но подбросили до развилки, сэкономив мне полдня пути.

В третий день пошёл дождь. Я промокла до нитки, но не останавливалась. У меня была цель, и дождь не мог её размыть. К вечеру я увидела башни столицы — золотые в лучах закатного солнца, такие огромные, что у меня перехватило дыхание.

Я стояла на холме, глядя на город, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Внизу, за стенами, меня ждала новая жизнь. Или смерть. Или позор. Или слава.

Я улыбнулась.

— Ну что, — сказала я своей косе, которая блестела в лучах заката, как лезвие самой судьбы. — Покажем этим столичным, на что способна девушка с южных границ?

Коса, конечно, не ответила. Но мне показалось, что её лезвие сверкнуло ярче.

Я поправила меч на поясе, перекинула мокрые волосы за спину и пошла вниз, к воротам, к новой жизни, к приключениям, о которых даже не подозревала.

Впереди был месяц до гвардии. Месяц, который изменит всё.

Но это уже совсем другая история.

Глава 1

Столица встретила меня запахами.

Я стояла у Северных ворот, промокая до нитки после вчерашнего дождя, и пыталась понять, из чего же состоит этот удивительный аромат, который местные, наверное, считают обычным, а для меня был как удар в лицо. Там было всё: навоз, конечно, куда же без него; жареный лук с рыночных лотков; дорогие духи, которыми надушились проезжающие мимо дамы в каретах; дым из сотен труб; и ещё что-то неуловимое, чего я не могла определить, но что пахло городом. Большим, живым, опасным городом.

Я стояла и глазела, как деревенская дурочка, хотя три дня пути по тракту и ночёвка в придорожном трактире должны были бы меня подготовить. Но нет. Трактир — это трактир, их я видела и раньше. А столица была другой. Она была огромной. Дома здесь лепились друг на друга, как пчёлы в сотах, и уходили вверх на три, а то и на четыре этажа. Улицы были вымощены камнем, и по ним сновали люди — сотни людей, тысячи, и все куда-то спешили, что-то тащили, о чём-то кричали.

— Эй, девка, с дороги! — рывкнул кто-то сзади, и я едва успела отскочить, пропуская телегу, гружёную бочками. Возница, красномордый дядька с окладистой бородой, погрозил мне кнутом. — Шатайся тут, понимаешь! Место заняла!

Я хотела ответить что-то остроумное, но он уже скрылся в потоке экипажей. Я осталась стоять у ворот, с мешком за плечами, косой на плече и отцовским мечом на поясе, и чувствовала себя так, будто выпала из своего мира в чужой, где не знала ни правил, ни языка.

— Девушка, вам помочь? — раздался голос справа.

Я обернулась. Ко мне подошёл молодой парень в простой куртке, с веснушками на носу и любопытными глазами. Он смотрел на мою косу с таким выражением, будто я притащила на плече дракона.

— Мне нужно в королевскую гвардию, — сказала я, стараясь говорить твёрдо. — Казармы. Я не знаю, где это.

Парень моргнул, потом перевёл взгляд с моей косы на меч, потом на моё лицо, и его брови медленно поползли вверх.

— В гвардию? — переспросил он. — Ты... ты же девка.

— Удивительная наблюдательность, — я улыбнулась, но улыбка вышла, наверное, не очень дружелюбной, потому что он отступил на шаг. — Ты проводишь меня или так и будешь стоять с открытым ртом? Мухи залетят.

Он проводил. Шёл впереди, то и дело оглядываясь, и я чувствовала, что для него я — лучшее развлечение за сегодняшний день. Мы прошли через рыночную площадь, где торговали всем, от репы до кружев, потом свернули в узкий переулок, потом вышли на широкий проспект, обсаженный деревьями. И там, в конце этого проспекта, я увидела казармы.

Они были похожи на крепость. Серые каменные стены, узкие окна-бойницы, массивные ворота из дуба, окованного железом. Над воротами развевался королевский штандарт — золотой дракон на синем поле, и флаг этот, казалось, смотрел на меня сверху вниз с немым вопросом: «А ты-то кто такая?».

— Вот, — парень указал на ворота. — Дальше я не пойду. Там меня... того.

— Чего «того»? — не поняла я.

— Того, — он сделал выразительный жест рукой поперёк горла. — Не любят они посторонних. Гвардейцы эти. Злые.

— Злые? — я усмехнулась. — Ну, посмотрим, кто злее.

Парень посмотрел на меня, на косу, и вдруг улыбнулся.

— Удачи тебе, девка. Она тебе понадобится.

Он развернулся и быстро зашагал прочь, то и дело оглядываясь. Я осталась одна перед воротами, чувствуя, как сердце начинает колотиться быстрее. Не от страха. От предвкушения.

— Ну, — сказала я себе, — пойдём знакомиться.

Ворота были закрыты. Я постучала — сначала вежливо, потом громче. Никто не открывал. Тогда я нашла молоток в виде драконьей головы, висевший на цепи рядом с калиткой, и долбанула им так, что эхо разнеслось по всей улице.

Калитка открылась. На пороге стоял гвардеец — здоровенный детина в кирасе, с алебардой наперевес. Он смотрел на меня сверху вниз, и его лицо выражало глубокое недоумение.

— Ты кто? — спросил он, и голос его звучал так, будто он жевал камни.

— Тиана, дочь барона Эдгара из южных земель, — отчеканила я, как учил отец. — Я прибыла для поступления в королевскую гвардию.

Гвардеец моргнул. Посмотрел на меня. На косу. На меч. Снова на меня.

— Ты... девка, — сказал он, и в этом слове было столько всего, что я даже не стала обижаться.

— Я в курсе, — кивнула я. — Меня пустят или мне придётся ждать здесь до вечера?

Он хотел что-то сказать, но в этот момент из-за его спины раздался голос — скрипучий, как несмазанная дверь:

— Кто там? Чего ломишься? Свободных мест нет!

Гвардеец отступил, и я увидела того, кто говорил. Это был старик. Не просто старик — древний старик, с лицом, похожим на печёное яблоко, и глазами, которые, казалось, видели столько, что им уже ничего не было страшно. Он был в мундире с генеральскими нашивками, но мундир висел на нём, как на вешалке, и я подумала, что, наверное, этот человек весит меньше меня. Однако в его взгляде было что-то такое, от чего я невольно выпрямилась.

— Баронская дочь, говоришь? — он окинул меня взглядом с ног до головы, задержался на косе, потом на мече, потом снова на моём лице. — Для поступления?

— Так точно, — сказала я, хотя никто меня не учил военному этикету, но звучало это, кажется, правильно.

— А ты, часом, не ошиблась дверью? — старик скривился. — Женские монастыри в другой стороне. Там тебя научат вышивать и молиться.

— Вышивать я умею, — сказала я правду. Грета научила меня в детстве, чтобы я не бегала по двору с палкой, но из этого ничего не вышло. — А молиться — когда нужно. Но в гвардию я пришла не для этого.

— А для чего?

— Служить королю и защищать страну.

Старик фыркнул. Это было не просто фырканье — это было целое высказывание, полное скептицизма, усталости и, как мне показалось, какой-то скрытой насмешки.

— Служить королю, — повторил он. — Защищать страну. И ты, девка с косой, думаешь, что сможешь это сделать?

— Думаю, что смогу, — я встретила его взгляд и не отвела.

Мы смотрели друг на друга, наверное, с минуту. Потом старик хмыкнул и отступил в сторону.

— Проходи. Всё равно вакансия есть. Только учти: я тебе спуска не дам. И никто не даст. Будешь ныть — вылетишь быстрее, чем успеешь вспомнить имя своего папеньки. Договорились?

— Договорились, — я шагнула внутрь.

И оказалась в другом мире.

Казармы встретили меня тишиной. Не той тишиной, которая бывает в лесу или в поле — живой, дышащей. Это была тишина дисциплины. Тишина, которая держится на страхе и порядке. Двор, куда я вошла, был вымощен идеально ровными плитами, ни соринки, ни

пылинки. По периметру тянулись двухэтажные корпуса с одинаковыми окнами, в каждом из которых были одинаковые занавески. Посередине двора стоял колодец с вычищенным до блеска срубом, и рядом с ним — плац, на котором я насчитала ровно тридцать шесть плит в длину и двадцать в ширину.

Здесь всё было выверено, подогнано, притёрто. И это было страшно. Не оружие, не здоровенные гвардейцы, которые косились на меня из-под насупленных бровей. А этот порядок. Порядок, который не появляется сам собой. Порядок, который кто-то создаёт железной рукой.

— Не стой, — старик, которого, как я поняла, все называли «генерал», хотя имени я так и не узнала, толкнул меня в спину. — Пошли. Покажу твоё место.

Он повёл меня через двор, и я чувствовала на себе взгляды. Десятки взглядов. Гвардейцы, которые тренировались на плацу, чистили оружие, или просто сидели на скамьях, провожали меня глазами. Кто-то усмехался, кто-то откровенно пялился, кто-то перешёптывался с соседом.

— Глянь-ка, бабу привели, — услышала я шёпот.

— Генерал, видать, с ума спятил.

— Девка в гвардии? Да она ж с первого дня сбежит.

Я сжала зубы. Отец говорил: «Не показывай, что тебя задевают. Улыбайся и делай своё дело». Но улыбаться не хотелось. Хотелось развернуться и показать этим «героям», на что способна девка с косой. Однако я промолчала. Пока что.

Генерал привёл меня к одному из корпусов, толкнул дверь, и мы оказались в помещении, которое, судя по всему, было канцелярией. Здесь пахло бумагой, чернилами и старым деревом. Столы были расставлены ровными рядами, на столах — стопки документов, каждая идеально ровная. На стенах висели карты, портреты королей, и одно большое полотно, изображавшее битву, в которой гвардейцы в синих мундирах рубили каких-то зелёных тварей.

— Садись, — генерал указал на стул, а сам устроился за массивным столом в дальнем конце комнаты. — Рассказывай, откуда взялась.

Я села. Косу пришлось прислонить к стулу, и она стояла рядом, как верный пёс.

— Я дочь барона Эдгара, — начала я. — Наши земли на юге, у границы с лесами. Отец служил в армии, участвовал в последней войне. Я училась у старого сержанта...

— Погоди, — генерал поднял руку. — Ты училась у сержанта? Какого сержанта?

— Бенто, — сказала я. — Его звали сержант Бенто. Он был старый, пьяница и ругался как сапожник.

Генерал вдруг замер. Его лицо, и без того похожее на печёное яблоко, стало ещё более странным — будто яблоко это вдруг вспомнило, что когда-то было молодым и зелёным.

— Бенто? — переспросил он, и в голосе его прозвучало что-то, чего я не ожидала. — Однорукий Бенто, который потерял руку в битве при Кровавом мосту?

— Да, — я удивилась. — Вы его знали?

— Знал, — генерал хмыкнул, и в этом хмыканье послышалась странная смесь горечи и уважения. — Он был лучшим сержантом в моей роте. Пока не запил. А потом я его выгнал. Думал, он сгинет где-нибудь в канаве. А он, оказывается, учил девчонок косой махать.

— Он научил меня всему, что знал, — сказала я. — И не только косо. Меч, копьё, топор. Тактику. Стратегию. И ещё он говорил, что в бою главное — не сила, а голова.

— Бенто это говорил, — генерал кивнул. — Я помню. Идиот был, а иногда умные вещи говорил.

Он помолчал, глядя на меня, и я чувствовала, что его отношение ко мне медленно, но верно меняется. Не в лучшую сторону, нет — просто становится другим. Менее насмешливым, более... изучающим.

— Ладно, — он хлопнул ладонью по столу. — Бенто так Бенто. Но это не значит, что я возьму тебя в гвардию. Ты девка, и это факт. В гвардии нет женщин. Не потому, что мы

такие злые, а потому, что это не женское дело. Ты понимаешь, что тебя ждёт? Муштра, походы, казарменная жизнь, мужики, которые будут тебя травить, командиры, которые будут тебя гнобить. Ты выдержишь?

— Выдержу, — сказала я.

— Уверена?

— Уверена.

Генерал вздохнул. Потом потянулся к бумагам, нашёл какую-то папку, полистал.

— У меня есть вакансия, — сказал он, и голос его стал деловым, сухим. — Только одна. И я должен её закрыть. Но просто так, по знакомству с Бенто, я тебя не возьму. Нужно доказать, что ты чего-то стоишь.

— Я готова, — я встала. — Какое испытание?

— Испытание? — генерал усмехнулся. — Ты хочешь испытание? Хорошо. Будет тебе испытание.

Он подошёл к окну, выглянул во двор.

— Там сейчас тренируются новобранцы. Трое. Лучшие из этого набора. Здоровые, молодые, злые. Если ты сможешь победить их в учебном бою — я подпишу приказ. Если нет — убираешься вон и больше не позорь память Бенто.

Я моргнула. Трое? Сразу трое?

— Вас не смущает, что я девушка? — спросила я, чтобы уточнить.

— Меня смущает, что ты вообще здесь, — отрезал генерал. — Но если ты такая смелая, то докажи. Или ты только языком трепать умеешь?

Я посмотрела на свою косу. Она стояла, прислонённая к стулу, и её лезвие тускло поблёскивало в свете, падающем из окна. Я вспомнила, как училась у Бенто. Как он, однорукий, гонял меня по двору, пока я не падала от усталости. Как говорил: «Ты, девка, слабая. Твоя сила не в руках. Твоя сила в голове. И в том, что тебя недооценивают. Всегда. Запомни это. Твоё главное оружие — что ты девка. Пока мужик будет думать, что ему стыдно тебя ударить, ты успеешь его убить трижды».

Я улыбнулась.

— Я согласна, — сказала я. — Трое так трое.

Мы вышли во двор. Генерал, ковыляя (я заметила, что он прихрамывает на левую ногу), прошёл к плацу и свистнул. Свист был пронзительным, как сигнал боевой трубы.

— Сюда! — крикнул он. — Живо!

Откуда-то из-за казарм выбежали трое. Я окинула их взглядом и поняла, что генерал не шутил. Это были здоровые парни. Первый — рыжий, с квадратной челюстью и руками, похожими на брёвна. Второй — черноволосый, с прищуром человека, который привык драться грязно. Третий — светловолосый, с лицом аристократа и улыбкой, которая говорила: «Я здесь лучший, и все это знают».

Они выстроились перед генералом, и я увидела, как их взгляды скользнули по мне и замерли. Рыжий хмыкнул. Черноволосый усмехнулся. Светловолосый просто смотрел, и в его взгляде было что-то такое, от чего мне захотелось немедленно ударить его ногой в пах.

— Господа новобранцы, — генерал обвёл их взглядом, и в его голосе появились нотки, которые я бы назвала злорадством. — У нас гостя. Желает вступить в гвардию. Я решил, что лучшего испытания, чем бой с вами, для неё не придумать.

— С нами? — рыжий расхохотался. — Генерал, вы шутите? Она же девка. Мы её покалечим.

— Покалечите — ответите, — отрезал генерал. — Деревянное оружие. В полную силу. Тот, кто выиграет, получит внеочередной паёк. Ну, и, соответственно, право служить.

Он повернулся ко мне.

— Ты уверена?

— Уверена, — я сняла с плеча косу. — Это моё оружие.

Генерал посмотрел на косу, и его брови полезли вверх.

— Коса? — переспросил он. — Ты собралась драться косой?

— А что? — я улынулась. — У неё есть преимущество. Новобранцы, наверное, никогда не видели, чтобы кто-то дрался косой. А значит, не знают, как от неё защищаться.

Генерал помолчал, потом усмехнулся.

— Бенто бы это оценил, — сказал он. — Ладно. Давайте. На плац. И помните: учебный бой, а не резня. Если кто-то прольёт кровь — будет иметь дело со мной.

Мы вышли на плац. Трое новобранцев взяли деревянные мечи и щиты, и я заметила, как они переглядываются. Рыжий ухмылялся. Черноволосый крутил меч в руке, показывая, как он с ним ловок. Светловолосый просто стоял, глядя на меня с лёгкой усмешкой, и я поняла, что он — самый опасный. Он не недооценивал меня. Он просто ждал.

Я вышла в центр плаца. Коса легла на плечо, и я почувствовала, как её привычный вес успокаивает меня. Бенто учил: «Перед боем ты должна быть спокойна, как лёд. Страх — это огонь. Он сжигает силы. А спокойствие — это вода. Вода побеждает огонь».

Я сделала глубокий вдох. Выдохнула.

— Готовы? — крикнул генерал.

— Готовы! — рявкнули трое.

— Начали!

Они бросились на меня. Все трое. Рыжий — прямо, с размаху, как таран. Черноволосый — сбоку, пытаясь зайти за спину. Светловолосый — чуть поодаль, прикрывая их, готовый вмешаться, если что-то пойдёт не так.

Они думали, что я побегу. Или закричу. Или хотя бы попытаюсь заблокировать удар. Но я не сделала ничего из этого. Я просто шагнула вперёд. Навстречу рыжему.

Его деревянный меч опустился сверху, и если бы он попал, то сломал бы мне ключицу. Но я не дала ему попасть. Коса в моих руках описала дугу — не атакующую, а защитную. Древко встретилось с его мечом, и я использовала его же силу, чтобы отвести удар в сторону. Рыжий, не ожидавший такого, по инерции шагнул вперёд, и я, крутанувшись, подставила ему подножку.

Он рухнул как мешок с картошкой. Плац содрогнулся.

Черноволосый, который уже заходил мне за спину, замешкался. Он не ожидал, что я так быстро разберусь с его напарником, и это дало мне секунду. Секунду, чтобы развернуться и встретить его атаку.

Он бил коротко, резко, целясь в корпус. Грязный стиль — такие удары тяжело блокировать, потому что они неожиданные. Но Бенто учил меня смотреть не на оружие, а на плечи. Плечи показывают, куда будет удар. И плечи черноволосого сказали мне, что он бьёт в живот.

Я не стала блокировать. Я отступила на шаг, пропуская удар, и в тот же миг, когда его меч пронёсся мимо, ударила древком косы по его запястью. Он взвыл, выронил оружие, и я, не дожидаясь, пока он опомнится, толкнула его плечом, отправляя на землю рядом с рыжим.

Двое.

Двое лежали в пыли, и я слышала, как кто-то из гвардейцев, наблюдавших за боем, свистнул. Но у меня не было времени радоваться. Потому что светловолосый наконец двинулся.

Он был быстр. Намного быстрее своих товарищей. Его деревянный меч летел как молния, и я едва успевала уворачиваться. Удар, ещё удар, третий — и я отступала, отступала, чувствуя, как пятки касаются края плаца.

— Сдавайся, девка, — процедил он сквозь зубы, и в его голосе не было насмешки. Только злость. Злость на то, что я посмела победить его дружков. — Сдавайся, пока я тебя не покалечил.

— А ты попробуй, — ответила я, и в этот момент сделала то, чего он не ждал.

Я бросила косу.

Нет, не так. Я не бросила — я метнула её. Коса крутанулась в воздухе, сверкнула деревянным лезвием (слава богам, что это был учебный бой, и лезвие было деревянным, иначе я бы сейчас убила человека), и светловолосый, инстинктивно отшатнувшись от летящего оружия, потерял равновесие. Всего на миг. Но мне хватило.

Я прыгнула. Не вперёд, а вверх, используя инерцию, чтобы перелететь через его голову, и приземлилась у него за спиной. Он развернулся, но было поздно. Я ударила его ногой под колено, он упал на одно колено, и я, подхватив упавшую косу, приставила древко к его горлу.

— Сдавайся, — сказала я. — Пока я тебя не покалечила.

Он смотрел на меня. В его глазах было всё: ярость, унижение, неверие. Но он был военным. Или почти военным. Он знал, когда бой проигран.

— Сдаюсь, — выдавил он.

Я отпустила его, отступила на шаг, и только тогда поняла, что тяжело дышу. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали, но я стояла прямо. Коса лежала на плече, как всегда.

Плац молчал. Гвардейцы, которые собрались посмотреть на представление, смотрели на меня с открытыми ртами. Рыжий и черноволосый поднимались с земли, отряхиваясь, и в их взглядах не было уже насмешки. Только уважение. Или что-то похожее на уважение.

Генерал ковылял к плацу. Его лицо было непроницаемым, но я заметила, как дёрнулся уголок его рта. То ли усмешка, то ли что-то ещё.

— Неплохо, — сказал он, и это слово прозвучало так, будто он вытаскивал его из себя силой. — Неплохо для девки.

— Для гвардейца, — поправила я.

Генерал посмотрел на меня. Долго. Пристально. Потом усмехнулся — на этот раз настоящего.

— Для гвардейца, — повторил он. — Ладно. Идём подписывать приказ.

Я пошла за ним, чувствуя, как дрожат ноги. Не от страха — от усталости. Бой отнял больше сил, чем я думала. Но я шла, высоко подняв голову, потому что знала: за мной смотрят. Все эти гвардейцы, которые усмехались, когда я вошла, теперь смотрели по-другому.

— Как тебя зовут? — спросил генерал, когда мы зашли в канцелярию.

— Тиана, — сказала я.

— Тиана, — он взял перо, обмакнул в чернила. — Значит, Тиана. Первая женщина в королевской гвардии за последние сто лет.

— Первая? — я удивилась.

— Первая, — он хмыкнул. — И, надеюсь, последняя. Потому что с тобой у меня будет достаточно проблем.

Он подписал приказ. Быстро, размашисто, даже не глядя. Потом поднял на меня глаза, и в них была усталость. Огромная, вселенская усталость старого солдата, который видел слишком много войн и слишком много дураков.

— Слушай меня, Тиана, — сказал он. — Ты доказала, что умеешь драться. Но гвардия — это не только драка. Это дисциплина. Порядок. Подчинение. Твой непосредственный начальник — капитан Арвид. Он эльф, и он не любит людей. Особенно тех, кто нарушает правила. А ты, я чувствую, будешь нарушать.

— Я не буду...

— Будешь, — отрезал генерал. — Я таких, как ты, знаю. С характером, с гонором, с косой этой своей. Будешь, будешь. И капитан Арвид будет от тебя в бешенстве. Но мне всё равно. Мне нужны солдаты. Хорошие солдаты. А ты, кажется, можешь стать хорошим солдатом. Если не убьют в первом же задании.

Он протянул мне приказ. Я взяла, и мои пальцы дрожали, когда я смотрела на подпись. Генерал Антон фон Крейн. Под этим именем была печать королевской гвардии — золотой дракон на синем поле, такой же, как над воротами.

— Свободна, — сказал генерал. — Иди в казарму, найди своё место. Завтра в шесть утра построение. Опоздаешь — вылетишь. Поняла?

— Поняла, — я кивнула.

— И ещё, — он остановил меня, когда я уже повернулась к двери. — Бенто... он жив?

Я замерла. Старый сержант, пьяница и ругатель, который научил меня всему. Я вспомнила его лицо, изрезанное морщинами, его единственную руку, его вечный запах перегара.

— Он умер, — сказала я. — Три года назад. Сказал перед смертью, что если я пойду в гвардию, то передать вам... что он был дураком.

Генерал отвернулся к окну. Я не видела его лица, но заметила, как его плечи дрогнули.

— Дурак, — повторил он тихо. — Всегда был дураком. Иди, Тиана. Иди.

Я вышла из канцелярии и оказалась во дворе, залитом полуденным солнцем. Гвардейцы, которые ещё не разошлись после боя, смотрели на меня. Кто-то с любопытством, кто-то с неприязнью, кто-то с уважением. Я встретила их взгляды, и они, кажется, поняли, что я не собираюсь ни извиняться, ни оправдываться.

— Эй, девка, — окликнул меня рыжий, которого я уложила первой. Он стоял, прислонившись к стене, и в его глазах не было злобы. — Ты где драться научилась?

— На юге, — сказала я. — А что?

— Да так, — он усмехнулся. — Хорошо дерёшься. Для девки.

— Для гвардейца, — поправила я.

Он помолчал, потом кивнул.

— Для гвардейца, — согласился он.

Я пошла в казарму. Мне нужно было найти своё место, оставить вещи, понять, где я буду спать. Но в голове крутилось другое. Имя, которое назвал генерал.

Капитан Арвид. Эльф. Мой непосредственный начальник.

Я слышала об эльфах. Мать была полукровкой, и от неё я знала, что чистокровные эльфы считают людей низшей расой. Они живут сотни лет, они красивы, они искусны в магии и в бою, и они редко снисходят до того, чтобы служить у людей. Если этот Арвид служит в королевской гвардии, значит, у него были на то причины. И вряд ли эти причины включают в себя радость от того, что в его подчинении появилась девушка-человек.

Я вздохнула. Впереди было много проблем. Но сегодня я их не решала. Сегодня я победила.

Я вошла в казарму, нашла пустую койку в углу, поставила рядом мешок и прислонила косяк к стене. Потом легла, не раздеваясь, и закрыла глаза.

Сквозь сон я слышала голоса. Гвардейцы говорили обо мне. Кто-то смеялся, кто-то злился, кто-то спорил. Но я не слушала. Я думала об отце, о том, как он стоит на крыльце нашего дома, смотрит вслед. Я думала о графе, который считает меня своей собственностью. Я думала о том, что мне нужно высылать деньги, и быстро, иначе...

— Ты новенькая? — голос раздался совсем рядом.

Я открыла глаза. Надо мной стоял парень. Молодой, чуть старше меня, с тёмными волосами и весёлыми глазами. Он улыбался.

— Новенькая, — сказала я.

— Слышал, ты троих уделала? — он присел на корточки. — Классно. Я Рен. Будущий лучший гвардеец этого королевства.

— Тиана, — я приподнялась на локте. — Будущая лучшая гвардейка.

Он рассмеялся.

— Ну, посмотрим, — он протянул руку. — Добро пожаловать в гвардию, Тиана. Здесь скучно не будет.

Я пожалала его руку, и в этот момент кто-то на другом конце казармы крикнул:

— Эй, новенькая! Капитан идёт!

Рен побледнел. Схватил меня за рукав, дёрнул.

— Быстро встать! — зашипел он. — Капитан Арвид не любит, когда кто-то лежит в неурочное время.

Я вскочила. Сердце забилося чаще. Эльф. Мой начальник. Человек, который, по словам генерала, будет от меня в бешенстве.

Дверь казармы открылась.

Я выпрямилась, поправила косу, которая, кажется, вечно норовила сползти с плеча, и приготовилась встретить своё новое начальство.

В казарму вошёл свет. Нет, не так. В казарму вошёл эльф, и показалось, что вместе с ним вошёл свет.

Он был высоким. Очень высоким. Идеально сложенным. Длинные светлые волосы струились по плечам, как расплавленное золото. Лицо — точеное, острое, с высокими скулами и глазами такого чистого голубого цвета, что я невольно замерла. Он был красив. Не той красотой, к которой привыкли люди. Он был красив той страшной, нечеловеческой красотой, от которой захватывает дух и холодеет в животе.

Он остановился на пороге и окинул казарму взглядом. Взгляд его скользнул по новобранцам, по их вытянувшимся лицам, по идеально застеленным койкам — и остановился на мне.

— Вы, — сказал он, и голос его был холоден, как зимний ручей. — Кто вы?

Я сделала шаг вперёд.

— Гвардеец Тиана, — сказала я. — Прибыла сегодня. Зачислена приказом генерала.

Он смотрел на меня. В его глазах не было ни злобы, ни удивления. Только лёд. Чистый, прозрачный лёд.

— Женщина, — сказал он, и это слово прозвучало как приговор. — В моей роте.

— Так точно, — я встретила его взгляд. — В вашей роте.

Казарма замерла. Я чувствовала, как гвардейцы затаили дыхание. Рен рядом со мной, кажется, вообще перестал дышать.

Капитан Арвид шагнул ко мне. На один шаг. Всего один. Но мне показалось, что он приблизился на сотню миль, и этот его шаг давил, как гора.

— Я недоволен, — сказал он, и в его голосе не было эмоций. Просто констатация факта. — Генерал не поставил меня в известность. Это нарушение субординации.

— Я могу объяснить...

— Вы будете говорить только тогда, когда я спрошу, — отрезал он. — Это первое правило. Второе: в моей роте нет женщин. Не потому, что я их ненавижу, а потому, что это военное подразделение, а не бордель. Вы понимаете, о чём я?

Я вспыхнула. Кровь бросилась в лицо, и я почувствовала, как пальцы сжались на рукояти косы.

— Я пришла служить, а не... — начала я, но он поднял руку, и я замолчала.

— Я сказал: когда спрошу, — повторил он. — Вы умеете слушать?

Я промолчала. Он смотрел на меня, и в его глазах промелькнуло что-то — может быть, удивление, что я не сломалась, может быть, раздражение.

— Завтра в шесть утра построение, — сказал он. — Вы будете в форме. Вы будете молчать. Вы будете делать то, что я скажу. Если вы не справитесь — я лично вышвырну вас из роты. Понятно?

— Понятно, — сказала я.

— Тогда, — он развернулся, и его плащ взметнулся, как крыло, — добро пожаловать в гвардию.

Он вышел. Дверь за ним закрылась, и казарма выдохнула. Все выдохнули одновременно, как один человек.

— Охренеть, — прошептал Рен. — Ты жива.

— А что, он обычно убивает с первого взгляда? — спросила я, и голос мой прозвучал хрипло.

— Нет, — Рен покачал головой. — Но ты первая, кто посмел ему перечить. И осталась в живых.

Я посмотрела на дверь, за которой скрылся эльф. Красивый, холодный, злой эльф, который, кажется, ненавидел меня ещё до того, как увидел.

— Весело будет, — сказала я.

— Ещё как, — Рен усмехнулся. — Добро пожаловать в ад, Тиана.

Я легла на койку, глядя в потолок. Коса стояла рядом, и я чувствовала её присутствие, как чувствуют присутствие друга. Завтра начиналась новая жизнь. Завтра я выйду на построение в шесть утра, в форме, которая, наверное, будет мне велика. Завтра капитан Арвид будет смотреть на меня своими ледяными глазами, и я не отступлю.

А сегодня я спала. В казарме, полной чужих мужчин, пахнувшей железом и страхом, я спала, как убитая, и мне снилось что-то хорошее. Что-то, что я не могла вспомнить, когда проснулась.

За окном светало. Скоро шесть утра.

Я встала, поправила косу и пошла встречать свой первый день в королевской гвардии.

Глава 2

Я проснулась за час до рассвета.

Это была старая привычка, выработанная годами тренировок с Бенто. Старый сержант говорил: «Настоящий воин просыпается раньше, чем враг успеет заточить меч». Я не знала, есть ли у меня враги в столице, но в казарме, полной незнакомых мужчин, врагами могли оказаться все. Или никто. Я предпочитала быть готовой к любому варианту.

Казарма спала. Тяжёлый, глубокий сон двадцати гвардейцев, которые мерно дышали в своих койках, наполнял помещение звуками, похожими на дыхание огромного зверя. Кто-то храпел, кто-то бормотал во сне, кто-то скрипел зубами. Я лежала, глядя в потолок, и думала о том, что вчерашний день был самым безумным в моей жизни.

Три дня пути. Бой с троими новобранцами. Приказ генерала. И эльф.

Капитан Арвид.

Я закрыла глаза и сразу же увидела его. Высокий, светловолосый, с лицом, вырезанным из слоновой кости. Его голос — холодный, ровный, без единой эмоции — звучал у меня в голове снова и снова: «В моей роте нет женщин. Не потому, что я их ненавижу, а потому, что это военное подразделение, а не бордель».

Я сжала зубы. Бордель. Он назвал меня так, даже не назвал — намекнул, что моё место среди... Я не стала додумывать. Злость была плохим советчиком, а мне сегодня предстояло выйти на построение и доказать этому высокомерному ушастому, что я стою больше, чем он думает.

— Тиана, — прошептал кто-то рядом.

Я повернула голову. Рен, мой сосед по койке, приподнялся на локте и смотрел на меня с любопытством.

— Ты чего не спишь? — спросил он.

— Сплю, — сказала я. — С закрытыми глазами.

— Это не считается, — он усмехнулся. — Переживаешь из-за капитана?

Я промолчала.

— Не переживай, — Рен откинулся на подушку. — Он со всеми такой. Холодный, как глыба льда. Говорят, у него вообще нет сердца. Эльфы — они все такие. Живут сотни лет, а людей считают за... ну, ты поняла.

— Поняла, — я перевернулась на бок, лицом к стене. — Спи, Рен. Завтра трудный день.

— Сегодня, — поправил он. — Уже сегодня.

Я не ответила. Закрыла глаза и попыталась представить что-нибудь спокойное. Наш дом. Отец на крыльце. Лес, в котором я провела всё детство. Но перед глазами всё равно возникал он — эльф с ледяными глазами и плащом, развевающимся, как крылья хищной птицы.

— Ну и чёрт с тобой, — прошептала я в подушку. — Посмотрим, кто кого.

В шесть утра завыл рожок.

Я никогда не слышала этого звука раньше, но он пробирал до костей — резкий, пронзительный, не оставляющий места для сомнений. Казарма ожила мгновенно. Гвардейцы выскакивали из коек, натягивали мундиры, застёгивали ремни. Никто не ругался, не толкался, не мешкал. Всё происходило в полной тишине, нарушаемой только шорохом ткани и стуком сапог.

Я вскочила первой. Не потому, что была быстрее всех — просто я не спала. Я надела форму, которую мне выдали вчера вечером: мундир синего сукна с золотыми нашивками, кожаные штаны, высокие сапоги. Всё было мужское, великоватое, но я подтянула ремни, закатала рукава и решила, что выгляжу вполне сносно. Коса — моя верная спутница — уже лежала на плече, как всегда. Отцовский меч я прицепила к поясу, хотя сомневалась, что он понадобится на утреннем построении.

— Косу оставь, — сказал Рен, застёгивая мундир. — Капитан не любит, когда приносят личное оружие на построение.

— Коса — не личное оружие, — ответила я. — Коса — это я.

Рен посмотрел на меня, хотел что-то сказать, но передумал. Только покачал головой.

Мы вышли во двор. Утро было холодным, серым, с низкими облаками, которые обещали дождь. Плац уже был полон гвардейцев — они стояли ровными рядами, застыв, как статуи. Я заняла место в конце шеренги, рядом с Реном, и замерла, стараясь принять такую же идеальную позу.

Сердце колотилось где-то в горле. Я впервые стояла в строю, впервые чувствовала себя частью этого механизма, который назывался королевской гвардией. И я боялась. Не эльфа. Не построения. Я боялась сделать что-то не так. Опозориться. Подвести отца. Подвести Бенто.

— Смирно! — рявкнул кто-то, и я вытянулась по струнке.

На плац вышел капитан Арвид.

Я уже видела его вчера, но в утреннем свете он выглядел иначе. Более реальным, что ли. И от этого не менее страшным.

Он шёл медленно, чеканя шаг, и каждый его шаг отдавался в моей груди, как удар молота. Мундир сидел на нём идеально — не потому, что он был сшит по фигуре (хотя, наверное, так и было), а потому, что он сам делал любую одежду частью себя. Длинные светлые волосы были стянуты в низкий хвост, открывая острые уши, которые, по слухам, могли слышать шёпот на расстоянии сотни шагов. Лицо — спокойное, бесстрастное, как у статуи. Глаза — голубые, прозрачные, холодные.

Он вышел на центр плаца, остановился, и его взгляд медленно прошёлся по шеренгам. Я чувствовала этот взгляд, даже когда он был далеко. А когда он дошёл до меня, мне показалось, что кто-то вылил на меня ведро ледяной воды.

Его глаза сузились. Всего на мгновение. Потом он отвернулся и начал обход.

— Гвардейцы, — его голос звучал ровно, без эмоций, но каждый звук был слышен на всём плацу, как будто он говорил прямо в ухо каждому из нас. — Сегодня у нас новое пополнение. Гвардеец Тиана.

Он не представил меня. Он просто констатировал факт. И в этом было больше презрения, чем в любых словах.

— Она будет проходить обучение вместе с вами, — продолжал Арвид. — Я ожидаю, что вы отнесётесь к этому с пониманием. Гвардеец Тиана — женщина, и у неё могут возникнуть трудности с физическими нагрузками. Я прошу вас помогать ей, когда это необходимо.

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу. Он говорил так, будто я была не гвардейцем, а обузой. Будто я пришла сюда не служить, а мешать. Я сжала зубы, вцепилась в древко косы, но промолчала. Не время. Не место.

— А теперь, — Арвид повернулся ко мне, и в его глазах мелькнуло что-то, что я не смогла прочитать, — гвардеец Тиана, выйдите из строя.

Я сделала шаг вперёд. Два шага. Три. Остановилась перед ним, глядя прямо в его ледяные глаза.

Он был выше меня на голову. Может быть, на две. Я чувствовала себя маленькой, хрупкой, ничтожной рядом с ним. Но я не опустила взгляд. Бенто учил: «Никогда не смотри вниз. Даже если противник выше тебя, смотри ему в глаза. Пока ты смотришь в глаза, ты не проиграла».

— Гвардеец, — Арвид обошёл меня вокруг, и я чувствовала его взгляд на своей спине, на косе, на мече. — Вы знаете, что личное оружие на построении запрещено?

— Коса — не личное оружие, — сказала я. — Это часть моего обмундирования.

Он остановился напротив меня. Его бровь приподнялась на долю дюйма — единственное движение, которое выдавало его эмоции.

— Часть обмундирования, — повторил он, и в его голосе зазвучала лёгкая, едва уловимая насмешка. — Интересно. И какую же функцию выполняет эта... часть вашего обмундирования?

— Боевую, — ответила я. — Как и любое другое оружие.

— Оружие, — он протянул руку и коснулся лезвия косы кончиками пальцев, словно проверяя остроту. — Вы умеете обращаться с этим... оружием?

— Умею, — сказала я.

Он посмотрел на меня. Долго. Пристально. Я не отвела взгляда.

— Гвардеец Тиана, — произнёс он наконец, и его голос стал чуть громче, чтобы все слышали. — Вы умеете обращаться с мечом?

Вопрос застал меня врасплох. Я моргнула, но быстро взяла себя в руки.

— Умею, — повторила я.

— Хорошо, — Арвид кивнул и жестом подозвал одного из гвардейцев. — Гвардеец Корвин, дайте ваш меч.

Рыжий парень, которого я вчера уложила на плацу, вышел вперёд и протянул свой деревянный учебный меч. Арвид взял его, повертел в руке, оценивая вес, и вдруг бросил мне.

Я поймала меч на лету. Рефлекс, выработанный годами тренировок. Меч был лёгким, хорошо сбалансированным, и я сразу поняла, что с ним можно работать.

— Покажите, — сказал Арвид, отступая на шаг. — Покажите, как вы умеете обращаться с мечом.

Я замерла. Он что, хочет, чтобы я устроила показательное выступление? Прямо сейчас? Перед всей ротой?

— Капитан, — я старалась говорить спокойно, хотя внутри всё кипело, — я не обезьянка на ярмарке.

В шеренгах кто-то ахнул. Кто-то, кажется, затаил дыхание. Арвид смотрел на меня, и в его глазах появилось что-то новое. Что-то, что я не могла определить. Удивление? Интерес? Раздражение?

— Гвардеец, — сказал он, и в его голосе не было злости. Вообще не было ничего. Только холод. — Я не прошу вас плясать под дудку. Я прошу продемонстрировать навыки, которые, по вашим словам, у вас есть. Если вы не можете этого сделать, я вынужден буду усомниться в вашей пригодности к службе.

Я посмотрела на меч. Потом на него. Потом на свою косу, которая всё ещё лежала на плече.

— Хорошо, — сказала я. — Но я буду драться косой. Меч — не моё оружие.

— Ваша коса — не стандартное оружие гвардии, — возразил Арвид. — Я должен знать, можете ли вы работать с тем, что выдаётся каждому гвардейцу.

— Могу, — я взвесила меч в руке. — Но с косой я лучше.

— Покажите с мечом, — Арвид скрестил руки на груди. — Если я буду удовлетворён, я разрешу вам пользоваться вашим... экзотическим инструментом.

Экзотическим инструментом. Я чуть не рассмеялась. Бенито бы оценил. Старый сержант называл косу «бабской дубиной» и «смертельной игрушкой», но никогда — «экзотическим инструментом».

— Вам нужен спарринг-партнёр? — спросила я, крутанув меч.

— В этом нет необходимости, — Арвид сделал шаг назад. — Покажите базовые приёмы. Атаку, защиту, контрвыпады.

Я вздохнула. Он что, издевается? Я чувствовала на себе взгляды двадцати гвардейцев, которые смотрели на меня с любопытством, насмешкой, ожиданием. Они ждали, что я опозорюсь. Ждали, что эта девка с косой не сможет сделать даже простого выпада.

Я не собиралась их разочаровывать. В смысле — в хорошую сторону.

— Хорошо, — сказала я, отступила на несколько шагов, чтобы освободить пространство, и начала.

Выпад. Защита. Контрудар. Круговая защита. Выпад с разворотом. Я двигалась быстро, плавно, как учил Бенито: «Меч — это продолжение твоей руки. Не думай о нём, думай о цели». Я не думала. Я просто делала. Тело помнило всё: как держать руку, как переносить вес, как дышать.

Я закончила так же внезапно, как и начала. Меч замер в позиции «клинок к плечу». Я стояла, тяжело дыша, и смотрела на Арвида.

На плацу было тихо. Даже слишком тихо. Я рискнула взглянуть на гвардейцев — они смотрели на меня с открытыми ртами. Рен улыбался. Корвин, тот самый рыжий, которого я вчера уложила, кивнул с уважением.

Арвид не двинулся с места. Он стоял, скрестив руки на груди, и его лицо было непроницаемым, как каменная маска.

— Неплохо, — сказал он наконец. — Для новобранца.

— Для гвардейца, — поправила я, и в этот раз мой голос прозвучал громче, чем я планировала.

Он посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то — может быть, удивление, что я осмеливаюсь перечить ему снова. Но он не сказал ни слова. Только повернулся к шеренгам.

— Разойдись! — скомандовал он. — Через час — обед. Потом — тренировка на плацу.

Гвардейцы начали расходиться. Я осталась стоять, чувствуя, как дрожат руки после упражнений. Арвид проходил мимо, и я ждала, что он скажет что-то ещё. Но он прошёл, не глядя на меня, как будто меня не существовало.

— Капитан, — окликнула я.

Он остановился. Не обернулся.

— Я могу пользоваться косой? — спросила я.

Он медленно повернулся. Его лицо было всё таким же бесстрастным, но в глазах я увидела что-то. Усталость? Раздражение? Или просто холод?

— Посмотрим, — сказал он. — На тренировке.

И ушёл. Плащ взметнулся за его спиной, как крылья.

Я выдохнула. Кажется, я не дышала всё это время.

— Тише, — сказал Рен, подходя ко мне. — Ты что, хочешь, чтобы он тебя убил?

— Он не может меня убить, — я отдала меч Корвину, который всё ещё стоял рядом. — Я гвардеец.

— Он эльф, — Рен понизил голос. — Они могут всё. И не убить, а сделать так, что ты сама попросишься вон. Он же капитан. Он может выгнать тебя в любой момент.

— Не выгонит, — я взяла свою косу, и её привычный вес успокоил меня. — Генерал подписал приказ. Я в гвардии.

— Ты в гвардии, — согласился Рен. — Но в его роте. А это, поверь, намного сложнее.

Обед в казарме был делом суровым и быстрым.

Мы ели в общей столовой — длинное помещение с деревянными столами и скамьями. Еда была простой: каша, хлеб, кусок мяса, кружка воды. Никто не разговаривал. Все ели молча, быстро, сосредоточенно. Я сидела между Реном и Корвином, и чувствовала на себе взгляды. Многие гвардейцы смотрели на меня с любопытством, некоторые — с неприязнью. Но никто не сказал ни слова.

— Не обращай внимания, — шепнул Рен. — Они просто не привыкли. Ты первая женщина здесь.

— Я знаю, — я отправила в рот ложку каши. — Ничего, привыкнут.

— Ты уверена?

Я не ответила. Я не была уверена ни в чём, кроме одного: я не сдамся. Не после того, как прошла три дня пешком, не после того, как победила троих, не после того, как генерал подписал приказ.

После обеда мы вышли на плац. Тренировка была обычной — бег, упражнения, спарринги. Арвид стоял в стороне, наблюдая, и его взгляд, казалось, видел всё. Каждую ошибку, каждую слабость, каждую оплошность.

Я старалась изо всех сил. Бегала быстрее всех, отжималась до хруста в костях, делала упражнения с мечом так, как учил Бенто. Но я чувствовала, что он смотрит на меня. Постоянно. И этот взгляд давил, мешал, заставлял ошибаться.

К вечеру я была выжата как лимон. Ныла каждая мышца, болели ладони, кружилась голова. Я стояла в строю, глядя на капитана, который подводил итоги дня.

— Сегодня вы работали плохо, — сказал он, и его голос был холоден. — Медленно. Неслаженно. Недисциплинированно. Завтра повторим.

Гвардейцы молчали. Никто не смел возражать.

— Гвардеец Тиана, — Арвид посмотрел на меня. — Оставайтесь.

Я замерла. Рен бросил на меня быстрый взгляд, полный сочувствия, и растворился в толпе расходящихся гвардейцев.

Мы остались вдвоём на плацу. Я — грязная, уставшая, с косой на плече. Он — идеальный, холодный, с безупречной осанкой и лицом, которое не выражало ничего.

— Вы хотели поговорить, капитан? — спросила я, когда последний гвардеец скрылся в казарме.

— Хотел, — он медленно подошёл ко мне, и я снова ощутила его рост. Он возвышался надо мной, как башня. — Гвардеец Тиана, вы знаете, почему я вас оставил?

— Потому что я плохо работала? — предположила я.

— Нет, — он покачал головой. — Вы работали хорошо. Лучше, чем многие новобранцы. Я оставил вас, потому что вы представляете собой проблему.

— Проблему? — я нахмурилась.

— Да, — он посмотрел на меня сверху вниз, и его глаза были холодны, как зимнее небо. — Вы — женщина. В гвардии. В моей роте. Это проблема.

— Я уже поняла, — сказала я. — Вы говорили это вчера.

— Я говорю это сегодня, — его голос стал твёрже. — И скажу завтра. И послезавтра. Пока вы не поймёте.

— Что я должна понять? — я почувствовала, как злость поднимается внутри, но сдержалась. — Что я слабая? Что я не справлюсь? Что моё место — на кухне или в постели?

Он моргнул. Всего на миг, но я заметила. В его глазах промелькнуло что-то — удивление? Нет, скорее... замешательство? Неужели он не ожидал, что я буду так откровенна?

— Ваше место, — сказал он медленно, — там, где вы можете быть полезны. Я не знаю, можете ли вы быть полезны здесь.

— Я могу, — сказала я. — Дайте мне шанс.

— Я даю вам шанс, — он шагнул ближе, и я почувствовала запах — чистый, холодный, как горный воздух. — Но если вы подведёте, если вы окажетесь слабее, если вы поставите под угрозу моих людей — я вышвырну вас. Без колебаний. Без сожалений.

— Я не подведу, — я встретила его взгляд. — Я не слабее.

— Посмотрим, — он отвернулся и сделал шаг к казарме. — Завтра в шесть утра. Не опаздывайте.

— Капитан, — окликнула я.

Он остановился. Не обернулся.

— Я умею обращаться с мечом, — сказала я. — И с косой. И с копьём. И с топором. И я умею обращаться с веником. Если нужно, я могу и пол подмести. Но я здесь не для этого.

Он медленно повернулся. Его лицо было непроницаемым, но в глазах... в глазах я увидела что-то. Может быть, удивление. Может быть, насмешку. Может быть, уважение.

— Девушка, — сказал он, и в его голосе прозвучала лёгкая, едва уловимая усмешка, — вы умеете обращаться с веником?

Я сделала вид, что не расслышала. Просто стояла, глядя на него, и ждала.

Он смотрел на меня. Долго. Пристально. Потом покачал головой.

— Идите в казарму, гвардеец, — сказал он. — Завтра будет тяжёлый день.

— Все дни здесь тяжёлые, — ответила я.

— Да, — он кивнул. — Все дни здесь тяжёлые. Привыкайте.

Он ушёл. Я осталась стоять на плацу, глядя ему вслед, и чувствовала, как внутри меня борются две силы. Злость. И странное, непонятное чувство, которое я не могла назвать. Что-то, что заставило моё сердце биться быстрее, когда он смотрел на меня.

— Глупости, — сказала я себе. — Он просто эльф. Высокомерный, холодный, ушастый...

Но слова не помогли. Образ капитана Арвида — идеального, холодного, длинноволосого — застыл в моей памяти, и я никак не могла от него избавиться.

Я вздохнула, поправила косу на плече и пошла в казарму.

Внутри меня ждал Рен. Он сидел на моей койке, нервно теребя ремень.

— Ну? — спросил он, когда я вошла. — Что он сказал?

— Что я представляю собой проблему, — я упала на койку, не снимая косы. — Что я должна доказать, что я не слабее.

— И что ты ответила?

— Что я докажу, — я закрыла глаза. — Что я докажу.

Рен помолчал. Потом хмыкнул.

— Знаешь, — сказал он, — я думаю, ты сможешь. Ты не такая, как все.

— Это хорошо или плохо?

— Не знаю, — он усмехнулся. — Но скучно точно не будет.

Я открыла глаза и посмотрела в потолок. Где-то там, за крышей казармы, было небо. Серое, осеннее, низкое. Но я знала, что где-то за этими тучами есть солнце. И однажды оно выглянет.

— Рен, — сказала я. — А что ты знаешь о капитане? Почему он служит в гвардии? Эльфы обычно... ну, не служат людям.

Рен помолчал. Потом перешёл на шёпот, хотя в казарме никого не было, кроме нас и ещё нескольких гвардейцев, которые делали вид, что спят.

— Говорят по-разному, — сказал он. — Одни говорят, что он изгнанник. Что он совершил что-то ужасное в своём лесу и его выгнали. Другие говорят, что он должен долг старому королю. Спас ему жизнь на войне, а теперь отрабатывает. Третьи...

— Что третьи?

— Третьи говорят, что он просто сумасшедший. Что он ненавидит людей и служит, чтобы мучить их. Чтобы каждый день видеть, как люди слабы, глупы и ничтожны.

Я задумалась. Сумасшедший? Может быть. Но в его глазах я не видела безумия. Я видела холод. Такой холод, который бывает только у тех, кто слишком долго живёт и слишком много видел.

— А ты что думаешь? — спросила я.

— Я? — Рен пожал плечами. — Я думаю, что он просто эльф. Они все такие. Высокомерные, холодные, красивые. Им нет дела до нас, людей. Мы для них как... ну, как муравьи. Ползают там, суетятся, а что толку?

Я не ответила. Я думала о том, как он смотрел на меня сегодня. Как его пальцы коснулись лезвия моей косы. Как в его глазах мелькнуло что-то, когда я сказала, что умею обращаться с веником.

Может быть, он и был высокомерным. Может быть, он и был холодным. Но я чувствовала, что за этим холодом есть что-то ещё. Что-то, что он прятал. Что-то, что, возможно, было важнее, чем все его ледяные взгляды и колкие слова.

— Рен, — сказала я, — а он... он всегда такой?

— Какой?

— Холодный. Как лёд.

Рен усмехнулся.

— Всегда, — сказал он. — Я ни разу не видел, чтобы он улыбнулся. Или рассердился. Или вообще проявил хоть какую-то эмоцию. Он как статуя. Красивая, но холодная.

Я закрыла глаза. Статуя. Да, наверное. Но даже статуи иногда оживают. Нужно только знать, как до них дотронуться.

— Ты чего задумалась? — спросил Рен.

— Ничего, — я перевернулась на бок. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — он встал и пошёл к своей койке. — И, Тиана?

— Что?

— Будь осторожна. С капитаном. Он не тот, с кем можно шутить.

— Я не шучу, — сказала я. — Я служу.

Рен ничего не ответил. Только вздохнул и погасил свет.

Я лежала в темноте, слушая, как засыпает казарма. Где-то за стеной храпел Корвин. Где-то скрипнула дверь. Где-то вдалеке пробили часы.

Я думала о капитане. О его ледяных глазах. О его идеальной осанке. О том, как он сказал: «Девушка, вы умеете обращаться с веником?»

Я улыбнулась в темноте. Нет, капитан. Я не умею обращаться с веником. Я умею обращаться с косой. И с мечом. И с вашим высокомерием я тоже как-нибудь справлюсь.

А если нет — ну что ж. Я всегда была упрямой. Отец говорил, что это моя главная черта. Мать говорила, что это моя главная проблема. А Бенто говорил, что упрямство — это единственное, что отличает живого воина от мёртвого героя.

Я не собиралась быть мёртвым героем. Я собиралась быть живым гвардейцем. И если для этого нужно вытерпеть холодные взгляды эльфа, который считает меня недостойной даже смотреть в его сторону — что ж, я вытерплю.

Я заснула, и мне снился лес. Наш лес, южный, тёплый, пахнущий хвоей и мёдом. Я шла по тропинке, и ветер играл с моей косой, и где-то вдалеке кричала птица.

А потом лес исчез. Вместо него появился плац, серый и холодный, и на плацу стоял он. Капитан Арвид. Смотрел на меня своими ледяными глазами, и в его взгляде было что-то, что заставило моё сердце биться быстрее.

— Девушка, — сказал он во сне, и его голос звучал не холодно, а... иначе. — Вы умеете обращаться с веником?

И я, во сне, ответила:

— Я умею обращаться с тем, что у меня в руках. А что у меня в руках — это моё дело.

Он улыбнулся. Во сне он улыбнулся, и эта улыбка была прекрасна, как рассвет над горами.

А потом я проснулась. Было ещё темно. Казарма спала. Я лежала, глядя в потолок, и чувствовала, как щеки горят.

— Глупости, — прошептала я. — Просто глупости.

Но сердце всё ещё колотилось где-то в горле. И я никак не могла заснуть до самого утра.

Утром я вышла на построение с косой на плече и твёрдым намерением доказать этому высокомерному элфу, что он ошибается.

Арвид стоял на плацу, как всегда, идеальный и холодный. Его взгляд скользнул по мне, задержался на косе, и я увидела, как его бровь приподнялась на долю дюйма.

— Гвардеец Тиана, — сказал он, и в его голосе не было насмешки. Только констатация факта. — Вы пришли с оружием.

— Так точно, — я выпрямилась. — Вы разрешили.

— Я сказал «посмотрим», — напомнил он.

— Я показала, — ответила я. — Вчера. С мечом. Вы сказали, что я работала хорошо.

Он посмотрел на меня. Долго. Пристально. Я не отвела взгляда.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Посмотрим, как вы работаете с этим... инструментом.

Он жестом подозвал Корвина и ещё двоих гвардейцев.

— Спарринг, — сказал он. — Гвардеец Тиана против троих.

Я моргнула. Трое? Снова трое?

— Капитан, — я старалась говорить спокойно. — Вчера я уже дралась с тремя.

— Вчера вы дрались с новобранцами, — Арвид скрестил руки на груди. — Сегодня вы будете драться с опытными гвардейцами. Если вы справитесь — я признаю, что ваша коса имеет право быть здесь. Если нет...

Он не закончил. Он просто смотрел на меня, и в его глазах я не видела ничего. Ни надежды, ни сомнения, ни злорадства. Только холод.

— Хорошо, — сказала я. — Я справлюсь.

Корвин и двое других гвардейцев вышли на плац. Они взяли деревянные мечи и щиты, и я видела, что они настроены серьёзно. Это были не те новобранцы, которых я уложила в первый день. Это были взрослые мужчины, с опытом, с навыками, с уверенностью.

— Начали! — скомандовал Арвид.

Они двинулись на меня. Слаженно, как команда. Корвин — в лоб, двое других — с флангов. Я поняла, что просто так их не победить. Нужно было действовать умнее.

Я отступила. Не назад, а вбок, разрывая строй. Корвин, который шёл прямо, оказался впереди, и я встретила его ударом косы. Древко скользнуло по его мечу, я крутанулась, и лезвие косы описало дугу, заставив его отшатнуться.

Но двое других уже были рядом. Я чувствовала их дыхание, их движение. Они били слаженно, и мне приходилось уворачиваться, блокировать, отступать.

Коса гудела в моих руках. Я крутилась, как волчок, используя её длину, чтобы держать противников на расстоянии. Но они были опытными. Они не лезли под лезвие, они ждали, когда я устану, когда ошибусь.

Я чувствовала, как силы уходят. Ноги дрожали, руки горели. Я отступала, и плац под ногами казался бесконечным.

— Сдавайся, девка! — крикнул Корвин, и в его голосе не было злобы. Только азарт.

— Не дождётесь! — ответила я.

И в этот момент я поняла, что проигрываю. Не потому, что я была слабее. А потому, что они были командой. А я была одна.

Но потом я вспомнила, чему учил Бенто: «Когда ты одна против многих, не пытайся победить всех. Победи одного. самого сильного. Остальные поймут».

Я выбрала Корвина. Он был самым крупным, самым сильным. И самым уверенным.

Я бросилась на него. Не отступая, не уворачиваясь — прямо, как таран. Он не ожидал такого. Он поднял меч, чтобы блокировать, но я не стала бить. Я ударила древком косы по его ногам, и он, потеряв равновесие, рухнул на колени.

В тот же миг я развернулась к остальным. Они замешкались, увидев, как пал их командир, и я использовала эту секунду. Коса описала круг, и лезвие остановилось в дюйме от горла первого. Потом — второго.

— Сдавайтесь, — сказала я, тяжело дыша.

Они смотрели на меня. Потом на лезвие. Потом на Корвина, который поднимался с колен.

— Сдаёмся, — сказал один из них.

— Сдаёмся, — повторил второй.

Корвин только покачал головой.

— Ты, девка, — сказал он, и в его голосе было уважение, — ты невозможная.

— Знаю, — я опустила косу. — Мне уже говорили.

Я повернулась к Арвиду. Он стоял на том же месте, скрестив руки на груди, и его лицо было непроницаемым.

— Капитан, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал, — я справилась.

Он смотрел на меня. Долго. Пристально. Потом кивнул.

— Справились, — сказал он, и в его голосе не было ни похвалы, ни осуждения. Только констатация факта. — Ваша коса... остаётся.

Я выдохнула. Кажется, я не дышала всё это время.

— Но, — он шагнул ко мне, и я снова ощутила его рост, его холод, его присутствие, — это не значит, что вы приняты. Это значит, что вы получили шанс. Не упустите его.

— Не упущу, — сказала я.

— Хорошо, — он отвернулся. — Разойдись.

Гвардейцы разошлись. Я осталась стоять на плацу, чувствуя, как дрожат ноги, и смотрела вслед капитану.

Он шёл к казарме, и его плащ развевался на ветру. Он был идеальным. Холодным. Длинноволосым. И я ненавидела его за это.

Но где-то глубоко внутри, там, куда я не хотела заглядывать, зарождалось что-то ещё. Что-то, что не имело никакого отношения к ненависти.

— Глупости, — сказала я себе. — Просто глупости.

Я поправила косу на плече и пошла в казарму. Впереди был ещё один день. Ещё одна тренировка. Ещё один шанс доказать, что я чего-то стою.

И я не собиралась его упускать.

Глава 3

Три недели в гвардии — это достаточный срок, чтобы научиться вставать по первому сигналу рожка, чистить сапоги до зеркального блеска и не обращать внимания на то, что половина сослуживцев до сих пор смотрит на тебя как на диковинного зверя.

Три недели — это также достаточный срок, чтобы привыкнуть к ледяному взгляду капитана Арвида. Не полюбить его, нет. Не перестать бояться. Просто привыкнуть. Как привыкают к холодной воде, если нырять в неё каждое утро.

Я уже знала распорядок дня наизусть. Подъём в шесть. Зарядка до седьмого пота. Завтрак, во время которого никто не разговаривает. Тренировки до обеда. Обед, во время которого тоже никто не разговаривает. Тренировки до ужина. Ужин. Вечерняя поверка. Отбой.

Иногда, по вечерам, я выходила во двор и смотрела на звёзды. Они здесь были другими, не такими яркими, как на юге. Городская пыль и дым сотен очагов делали небо мутным, размытым. Но иногда, если очень повезёт, можно было увидеть одну-две яркие звезды, и тогда я представляла, что это мать смотрит на меня с небес и улыбается.

— Тиана, ты опять не спишь?

Рен появился из темноты, как привидение. Он был единственным, кто разговаривал со мной по вечерам. Остальные или стеснялись, или не хотели. А может, просто боялись капитана.

— Сплю, — сказала я, не отрывая взгляда от неба. — С открытыми глазами.

— Это не считается, — он сел рядом, прислонился спиной к холодной стене казармы. — Переживаешь?

— О чём?

— О завтрашнем смотре. Генерал приедет, будет проверять готовность. Говорят, он выбирает отряд для какого-то особого задания.

Я повернулась к Рену. В темноте его лица было не разобрать, но я чувствовала его любопытство.

— Откуда ты знаешь?

— Уши есть, — он усмехнулся. — В столовой болтали. Говорят, что-то случилось в соседнем королевстве. Какая-то деликатная миссия. Нужны лучшие.

— Лучшие, — я усмехнулась. — Значит, не нас pošлют.

— Почему это? — Рен обиделся. — Мы тоже ничего.

— Мы — стажёры, — напомнила я. — Нас даже в караул не ставят.

Рен замолчал. Он знал, что я права. Мы были новичками, зелёными, недостойными доверия. Нас учили, муштровали, гоняли до изнеможения, но настоящих заданий не давали. Самое сложное, что мне довелось сделать за три недели — это отскребать полы в столовой после ужина.

— Всё равно, — сказал Рен после паузы. — Я чувствую, что завтра что-то случится. У меня предчувствие.

— Предчувствие? — я усмехнулась. — Ты что, бабка-ворожея?

— Нет, — он обиженно фыркнул. — Просто чувствую. И всё.

Я не ответила. Я смотрела на звёзды и думала о том, что Рен, возможно, прав. Завтра действительно что-то случится. Что-то, что изменит мою скучную казарменную жизнь. Хорошо это или плохо — я не знала. Но я чувствовала это. Как перед бурей.

Смотр начался в десять утра.

Вся рота выстроилась на плацу. Мы стояли ровными рядами, в идеально вычищенных мундирах, с надраенными до блеска пряжками. Моя коса, как всегда, лежала на плече — Арвид разрешил, хотя и смотрел на неё каждый раз так, будто это была живая змея, которую я притащила в казарму.

Генерал Антон фон Крейн приехал в сопровождении двух адъютантов. Он был всё таким же старым, сутулым и похожим на печёное яблоко, но его глаза — острые, цепкие — обежали строй, и я почувствовала, как он отмечает каждого. Кого-то одобрительно, кого-то с сомнением.

— Вольно! — скомандовал Арвид, и мы расслабили позы.

Генерал прошёлся вдоль шеренг, иногда останавливаясь, чтобы задать вопрос или просто посмотреть в глаза. До меня он дошёл последним. Остановился, окинул взглядом мою косу, мой мундир (который я наконец ушила по фигуре), моё лицо.

— Гвардеец Тиана, — сказал он, и в его голосе послышалась усмешка. — Жива ещё?

— Так точно, — ответила я. — И здорова.

— Капитан не замучил?

Я бросила быстрый взгляд на Арвида. Он стоял в трёх шагах, с непроницаемым лицом, но я заметила, как дёрнулась его рука.

— Капитан — отличный наставник, — сказала я осторожно. — Я многому учусь.

Генерал хмыкнул. Это было то самое хмыканье, которое я уже слышала — смесь скептицизма и одобрения.

— Ладно, — он повернулся к Арvidу. — Капитан, проводите меня в канцелярию. Есть разговор.

Арвид кивнул, и они ушли. Я осталась стоять в строю, чувствуя, как внутри закипает любопытство. Рен, стоявший рядом, толкнул меня локтем.

— Я же говорил, — прошептал он. — Предчувствие.

— Заткнись, — прошептала я в ответ. — Не накаркай.

Мы ждали. Десять минут. Двадцать. Полчаса. Солнце поднялось уже довольно высоко, и мундиры начали припекать. Гвардейцы стояли молча, но я чувствовала, как напряжение растёт. Что-то происходило. Что-то важное.

Наконец дверь канцелярии открылась. Генерал вышел первым, за ним — Арвид. Я никогда не видела капитана таким. Его лицо было всё таким же бесстрастным, но в глазах... в глазах я увидела ярость. Холодную, сдержанную, но ярость. Он был в бешенстве.

— Рота! — скомандовал он, и голос его прозвучал резче, чем обычно. — Внимание!

Мы вытянулись. Генерал подошёл к строю, окинул нас взглядом.

— Гвардейцы, — сказал он, и его голос был сухим, официальным. — Королевство нуждается в вас. Соседнее государство Альдония, с которым мы поддерживаем... хрупкий мир, обратилось к нам за помощью. Им требуется сопровождение ценного груза до нашей столицы. Миссия деликатная, требующая опыта, выдержки и... — он запнулся, бросил быстрый взгляд на Арвида, — и терпения.

Арвид скрипнул зубами. Я услышала этот звук — едва уловимый, но отчётливый в тишине.

— Капитан Арвид, — продолжал генерал, — назначен ответственным за выполнение этой миссии. Он выберет сопровождающих из состава роты.

Генерал повернулся к Арvidу и протянул ему свиток.

— Все подробности — в приказе. Выступаете завтра на рассвете. Вопросы?

Арвид взял свиток. Его пальцы побелели, так сильно он сжимал пергамент.

— Никак нет, — сказал он, и в его голосе не было ничего, кроме ледяной вежливости.

— Хорошо, — генерал кивнул. — Гвардейцы, разойдись. Капитан, оставайтесь.

Мы начали расходиться. Я медлила, пытаюсь понять, что происходит. Рен дёрнул меня за рукав.

— Пошли, — прошептал он. — Не лезь.

— погоди, — я вырвала руку и осталась на месте, делая вид, что поправляю сапог.

Генерал говорил с Арвидом тихо, но я слышала каждое слово. У эльфов отличный слух, но у людей он тоже бывает неплохим, особенно когда очень хочется что-то узнать.

— ...я понимаю ваше недовольство, капитан, — говорил генерал. — Но приказ есть приказ.

— Вы могли выбрать любого, — голос Арвида был напряжённым. — Любого другого.

— Я выбрал лучшего, — отрезал генерал. — И вы это знаете.

— Но зачем она? — Арвид повысил голос, и я впервые услышала в его тоне что-то похожее на эмоцию. — Она — стажёр. Она не готова.

— Она — единственная свободная единица в вашей роте, — голос генерала стал жёстче. — У вас нет выбора, капитан. Приказ подписан королём. Готовьтесь к выступлению.

Генерал развернулся и пошёл к выходу. Арвид остался стоять на плацу, сжимая свиток в руке. Я замерла, понимая, что сейчас будет. Он обернулся и посмотрел прямо на меня.

— Гвардеец Тиана, — голос его был холоден, как зимний ветер. — Вы что, не слышали команды «разойдись»?

Я выпрямилась.

— Слышала, капитан. Но я подумала...

— Не надо думать, — он шагнул ко мне, и я снова ощутила его рост, его холод, его ярость, которую он едва сдерживал. — Вы — гвардеец. Вы выполняете приказы. Вы не думаете. Ясно?

— Ясно, — я встретила его взгляд, хотя внутри всё сжалось.

Он смотрел на меня. Долго. Пристально. Потом развернулся и ушёл, бросив через плечо:

— В шесть утра у ворот. Не опаздывайте.

Я осталась стоять на плацу, чувствуя, как ветер треплет мои волосы. Рен подошёл сзади.

— Ну, — сказал он, и в голосе его было сочувствие, — поздравляю. Ты едешь на задание.

— Ага, — я поправила косу на плече. — И капитан от этого в восторге.

— Он от всего не в восторге, — Рен усмехнулся. — Но ты с ним осторожнее. Он зол. Я таких эльфов не видел.

— Он всегда такой, — я пожала плечами. — Привыкну.

— Нет, — Рен покачал головой. — Сегодня он другой. Я чувствую.

Я не ответила. Я смотрела вслед капитану, который скрылся в казарме, и думала о том, что Рен, возможно, прав. Арвид был зол. И не просто зол — в бешенстве. И это бешенство было направлено на меня.

— Ну и чёрт с тобой, — прошептала я. — Я справлюсь.

Ночью я не спала.

Я лежала на койке, глядя в потолок, и перебирала в голове всё, что знала о предстоящей миссии. Генерал сказал «сопровождение ценного груза». Что это могло быть? Золото? Драгоценности? Какой-то магический артефакт? Или, может быть, пленник?

И почему Арвид был так зол? Неужели только из-за того, что я еду с ним? Это было бы слишком мелко даже для него.

— Не спишь? — шёпот Рена вырвал меня из размышлений.

— Не спится, — призналась я.

— Боишься?

— Нет, — я помолчала. — Просто... не люблю неизвестность. Не знаю, что нас ждёт.

— Может, ничего страшного, — Рен попытался ободрить меня. — Просто сопроводить груз и всё.

— Может быть, — я повернулась на бок. — А может, нет.

Мы помолчали. В казарме было тихо. Гвардейцы спали, и только где-то далеко, за стенами, слышался шум ночного города.

— Тиана, — сказал Рен. — Будь осторожна. Я слышал, что в Альдонии не любят людей. И эльфов тоже, кстати.

— А кого они любят?

— Никого, — он усмехнулся. — Они вообще никого не любят. Поэтому с ними и мир шаткий.

— Спасибо, успокоил, — я закрыла глаза. — Теперь я буду спать спокойно.

— Извини, — Рен замолчал, но через минуту снова заговорил. — Тиана.

— Что?

— Ты... ты с капитаном поосторожнее.

— Ты уже говорил.

— Я серьёзно, — в его голосе прозвучало что-то, чего я раньше не слышала. Беспокойство. — Он... он не просто эльф. Он что-то скрывает. Я чувствую.

Я открыла глаза и посмотрела на Рена. В темноте его лица не было видно, но я чувствовала, что он смотрит на меня.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я.

— Не знаю, — он вздохнул. — Просто... будь осторожна. Ладно?

— Ладно, — я снова закрыла глаза. — Спать давай. Завтра рано вставать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.